

Ван Сюань презрительно усмехнулся про себя. История не лжет: жить с тигром — это все равно, что ходить по лезвию ножа. Она могла быть солнцем, но в мгновение ока превращалась в бурю. И она была непредсказуема, безжалостна. Даже если его отец был в тесной связи с императрицей, даже если за ним числились заслуги за верную службу императору, в конце концов Ли Чэнхуан все равно без суда и следствия конфисковала дворец Чжэньбэй и истребила его семью. Неужели Ли Чэнхуан, с её умом, действительно не понимала, что план Линь Ань был ловушкой? Если бы она была настолько глупа, как тогда ей удалось шаг за шагом взобраться на вершину власти, будучи принцессой павшего государства? У Ли Чэнхуан был кровавый путь к вершине. Те, кто ей мешал, исчезали или были изгнаны. Почти весь клан Ин был уничтожен, оставшиеся в живых были сосланы или посажены под домашний арест. Лишь несколько человек остались нетронутыми. После смерти предыдущего императора принц, который должен был наследовать престол, был вынужден отречься от трона всего через год правления, став королем Цзинь, а его семья была заключена в тюрьму. Второй принц тайком собрал людей, чтобы свергнуть императрицу, но информация просочилась, и его окружили и убили. В ту последнюю ночь погибло три тысячи человек, второй принц пропал бесследно. Кровь окрасила ступени перед дворцом Цяньян в багровый цвет. Три дня подряд, когда придворные являлись на утренний дворцовый совет, в воздухе витал сладковатый запах крови. Лишь третий принц, Ин Цзыюэ, был воспитан императрицей с детства. После совершеннолетия она назначила его на пост правителя самого богатого региона Цзянхуай, подарив ему комфортную жизнь. Что касается четвертого и пятого принцев, то они были слишком юны и не представляли угрозы. Они до сих пор жили во дворце, и их жизнь была сносной, но о королевском титуле им могли забыть. Такая безжалостная и хитрая женщина, как Ли Чэнхуан, не могла не понимать, насколько груба была ловушка Линь Ань. Ван Сюань не верил ни единому слову. Даже если она и не была зачинщицей этой истории, она наблюдала за ней со стороны, готовая перевернуть ситуацию в свою пользу, а может, и тайком подлила масла в огонь. Все это делалось для того, чтобы ее место на троне не подвергалось опасности. Ван Сюань понял, что пытаться объяснить императрице что-либо — это пустая трата времени. Нельзя разбудить того, кто притворяется спящим. Она — император. Если она скажет, что ты виновен, значит, ты виновен, даже если ты чист, как слеза. Поэтому Ван Сюань развел руками и сказал, сжав губы: — Ваше Величество, вы так решили, мне больше нечего сказать. Наказывайте как хотите, я смирюсь. Эти слова были просты и ясны, но звучали как вызов: "Ты император, ты власть, с тобой спорить бесполезно. Я играю по твоим правилам, показываю тебе свое худшее лицо". Немедленно атмосфера в зале оказалась еще более напряженной, евнухи и придворные ощущали, как в их сердцах пробирает ледяной холод. Даже некоторые евнухи и придворные, стоящие в дали, шептались между собой: — Неужели князь Чжэньбэй не боится гнева императора, выступая с ним в таком тоне? — Я столько лет работаю в этом дворце, но впервые вижу, чтобы кто-то смел так противостоять Его Величеству. Никогда такого не было. — Как думаешь, как император его накажет? — В последний раз великий секретарь Вэньюань павильона поглумился над Его Величеством, его послали прямо в тюрьму Цзиньивэй. Он до сих пор там, кажется, он выберется оттуда только посмертно. Все дрожали, вспоминая ужасы тюрьмы Цзиньивэй. — По лицу императора видно, что он в ярости. — В этот раз, даже если князь Чжэньбэй не погибнет, он лишится куска мяса. — Жалость к его нежной коже... Они как будто уже видели, как с Ван Сюаня сдирают шкуру и тело. Некоторые, преданные своим извращенным фантазиям, даже с нетерпением этого ждали. Ли Чэнхуан в первую минуту растерялась, потом ее лицо почернело. Она нахмурилась, прищурила глаза и уставилась на Ван Сюаня, ничего не говоря, но ее взгляд был пугающим и не давал ослабить напряжение. Если бы это был обычный министр, то от страха он бы в пот бросил, падал на колени и просил милосердия. Но Ван Сюань выглядел спокойно. Он не только выпил глоток чая, но и протянул руку к угощениям, стоящим на столе, и начал поедать их. Евнухи и придворные опешили. Разве этот князь в правду считает эту дворцовую сад своим собственным домом? Надо сказать, что угощения, приготовленные дворцовыми поварами, действительно были немного лучше, чем в

ресторане Тяньсянлоу. Пожалуй, разница между учеником и мастером все же есть. Долгое время Ли Чэнхуан молчала, потом внезапно рассмеялась. И от этой улыбки Ван Сюань был ошеломлен. Это была улыбка яркой луны, отражающейся в зеркальной глади реки Ло, улыбка, создающая одуряющий шарм. Ван Сюань вдруг вспомнил стихотворение: "Красавицы шести дворцов бледнеют от стыда, с сегодняшнего дня император не будет раньше приходить ко двору". — Ты, мальчишка, такой же безрассудный, как и твой старик, Ван Сян. Ван Сюань очнулся от замешательства и улыбнулся: — Ваше Величество, спасибо за похвалу. По сравнению с моим отцом я еще далек от совершенства, мне нужно многому учиться. Ли Чэнхуан немного растерялась: — А ты действительно думаешь, что я тебя хвалила? — А как еще можно рассматривать твои слова? — Ван Сюань выглядел сбитым с толку. Ли Чэнхуан не могла разобраться, претворяется он или нет. Честно говоря, она не могла его прозреть. Но ей и не нужно было его прозревать. Было ли это правдой или нет, но Ван Сюань был самым подходящим человеком для следующего дела. Подумав об этом, Ли Чэнхуан сказала серьезно: — Я не буду тебе мешать. Сделай одно дело для меня, и я прощу тебе этот проступок. Сказав это, она слегка приподняла уголки губ, на ее лице заиграла уверенность. Она верила, что никто не сможет отказаться от ее условий. Ван Сюань поднял брови: — Ваше Величество, я не могу этого сделать. Найдите себе кого-нибудь еще! Ли Чэнхуан в этот раз была действительно ошарашена. Я - император! Я прощаю тебе проступок за одно дело, а ты не благодарен и смеешь отказывать? Кто здесь император, я или ты? Ты веришь, что я тебя... Ну, Ли Чэнхуан действительно не осмелилась тронуть Ван Сюаня. С точки зрения чувств, она и Ван Сян были близкими друзьями, а князь Чжэньбэй имел заслуги перед императором. С точки зрения здравого смысла, Ван Сюань был заложником. Если бы с ним что-нибудь случилось, то 400,000 войск Чжэньбэйского гарнизона на северной границе не были бы мирными жителями. Ли Чэнхуан недовольно сказала: — Скажи мне! Как ты можешь согласиться со мной? Ван Сюань усмехнулся про себя. Вот она, польза! На самом деле, он с самого начала специально показывал этот бесцеремонный вид. С того момента, как он получил императорский указ и отправился во дворец, чтобы встретиться с императрицей, он задумывался над одним вопросом: Почему императрица вызвала его? Он размышлял над этим и пришел к двум возможным ответам. Первый вариант, который пришел ему в голову, это последствия щелчка по носу Муронг Ванцин. Хотя у Ван Сюаня были веские основания для такого поступка, Муронг Ванцин была правой рукой Ли Чэнхуан и, по сути, представляла лицо императрицы. Но если бы Ли Чэнхуан хотела привлечь Ван Сюаня к ответственности, она бы вызвала его в первые несколько дней, а не дожидалась бы сейчас, чтобы свести счеты. Поэтому он сначала отказал Ван Сюаню. Второй вариант заключался в том, что императрице что-то нужно от него, и он должен был выполнить ее просьбу. Хотя Ван Сюань не мог понять, что именно ей нужно, он осознавал, что это должно быть очень важно. Когда императрица начала вспоминать прошлое, а затем затронула события, произошедшие месяц назад, Ван Сюань понял, что второй вариант почти наверняка верен. Потому что такая риторика абсолютно совпадает с методами руководителя, который "промывает мозги" своим сотрудникам в предыдущей жизни. Это ничто иное, как сначала давить, а затем хвалить. Сначала говорят, что тебе дается шанс показать себя и искупить вину, а в итоге сотрудники работают с усердием и благодарны. Это называется "императорским милосердием и властью", но по сути это то же самое. В предыдущей жизни Ван Сюань уже привык к этой методике и не поддавался на нее. Конечно, это также основывалось на том, что императрица не осмеливалась тронуть его. В конце концов, за ним стояли 400,000 войск северного гарнизона. Если бы обычные министры осмелились так тянуть императрицу за нос, они бы уже танцевали на могиле. Зная о планах императрицы, Ван Сюань естественно хотел потребовать себе некоторые льготы. Это самый влиятельный человек в Даянь. Таких возможностей попользоваться его влиянием было не очень много, поэтому необходимо было этим воспользоваться. В конце концов, даже если он завоевал бы благосклонность императрицы, его все равно убьют в будущем. Лучше обменять ее на какие-то льготы. Однако, прежде чем выдвигать условия, Ван Сюаню нужно было понять, что именно Ли Чэнхуан хочет,

чтобы он сделал:— Ваше Величество, скажите сначала, что вам от меня нужно!

<http://tl.rulate.ru/book/109911/4105194>